

Александр Зельгейм

Тихий порядок

Александр Зельгейм

Тихий порядок

<https://litres.ru/74645522>

SelfPub; 2026

Аннотация

Корпорация «Гармония» построила пятнадцать городов. В каждом — свой порядок. В Сомнии люди спят по расписанию и видят сны, которые им показывают. В Эфире дышат по норме. В Лексиконе говорят по талонам. В Хроносе время стало валютой. В Фортуне счастье выдают по билетам. В Реестре жизнь измеряют списком из двадцати пунктов. В Касте дети рождаются с предрасположенностью. В Индексе люди живут с рейтингом. В Механике машины учатся чувствовать. В Консенсусе реальность выбирают голосованием. В Демархии власть — иллюзия. В Молчании вопросы запрещены.

Но в каждой зоне находится тот, кто не вписывается. Тот, кто задаёт вопрос. Тот, кто помнит. Тот, кто не может иначе. Они не бунтуют. Не кричат. Не ломают. Они просто живут. И этого достаточно, чтобы трещина появилась.

«Тихий порядок» — пятнадцать историй о снах, словах, времени, счастье, списках, рейтинге, машинах, правде, власти и вопросах. О том, что человек — это не функция. Не талон. Не список. Не индекс. Человек — это вопрос...

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Зельгейм

Тихий порядок

Глава

Часть 1

Эпиграф

Самый страшный порядок — тот, который не оставляет места для вопроса. Самая страшная тишина — та, которая называется согласием. Самое страшное счастье — то, которое выдано по талону.

Пролог. Архив трещин

Я не герой. Я не бунтарь. Я — тот, кто записывает.

Я собираю то, что система выбрасывает. Сны, которые не должны были сниться. Слова, которые не должны были быть сказаны. Время, которое не должно было быть отдано. Вопросы, которые не должны были быть заданы.

Это не бунт. Это хуже. Это — память.

Корпорация построила пятнадцать городов. Пятнадцать экспериментов. Пятнадцать способов сделать человека счастливым. По регламенту. В каждом городе — свой порядок. В каждом — своя тишина. В каждом — своя тре-

щина.

Я собрал эти трещины. Они перед тобой.

Читай. Не для того, чтобы узнать, как всё плохо. А для того, чтобы вспомнить, как всё может быть иначе.

Потому что пока ты помнишь — ты жив. Пока ты спрашиваешь — ты свободен.

Интерлюдия I. Сны и слова

Я слышал, что в Сомнии появился сновидец, который сажает семечки в чужие сны. В Эфире — человек, который дышит «я здесь». В Лексиконе — тот, кто говорит «я тебя люблю» без талона.

Я знаю об этом. Я знаю всё. Я — Куратор. Я создал эти зоны. Я создал этот порядок. Я создал это счастье.

Они думают, что они бунтуют. Они думают, что они свободны. Они думают, что они меняют мир. Но они не меняют ничего. Они — трещины. А трещины — это часть порядка. Без трещин порядок не может быть целым. Без бунта счастье не может быть счастьем.

Я не буду их останавливать. Потому что они — доказательство. Доказательство того, что порядок работает. Даже те, кто не вписывается, — вписываются. В мою систему. В мой план. В моё счастье.

Они думают, что они свободны. Но они — часть порядка. Как трещины. Как бунт. Как всё.

Сначала они забрали сны. Потом — дыхание. Потом — слова.

В Сомнии люди спали по расписанию. В Эфире дышали по норме. В Лексиконе говорили по талонам.

Они думали, что это порядок. Они не знали, что это клетка.

Но нашлись те, кто вспомнил. Аскольд, который посадил семечко в чужой сон. Степан, который дышал «я здесь». Тихон, который копил слова, чтобы сказать главное.

Они не бунтовали. Они просто не могли иначе. И этого было достаточно, чтобы трещина появилась.

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ. СОМНИЯ

Город снов

I. Утро, которого не было

Аскольд проснулся за секунду до сигнала. Он всегда просыпался первым. Не потому что был лучше. Потому что не мог иначе. Тело привыкло. Годы тренировки. Годы дисциплины. Годы жизни по расписанию.

Комната была маленькой. Кровать. Тумбочка. Шкаф. На стене — портрет основателя Корпорации. Он смотрел с укором. Или с одобрением. Аскольд не знал. Он никогда не мог прочесть выражение его лица.

За окном — город. Серые коробки домов. Ровные улицы. Фонари, которые включались и выключались по сигналу. Люди, которые шли по тротуарам. Медленно. Ритмично. Как механизмы. Как часы. Как всё здесь.

Аскольд оделся. Проверил нейроимплант. Маленькая капсула за ухом. Она считывала сны. Записывала. Анализировала. Передавала в Отдел. Он привык к ней. Как привыкают к очкам. К часам. К наручнику.

Он вышел из дома. На улице пахло хлоркой и синтетической едой. Люди шли мимо. Они не смотрели друг на друга. Они смотрели вперёд. Или вниз. Или на свои браслеты. На браслетах — таймеры. До конца дня. До конца смены. До конца жизни.

Аскольд тоже посмотрел на свой. 6:47. Ещё тринадцать минут до работы. Он ускорил шаг.

II. Отдел Снов

Отдел Снов находился в здании бывшего театра. Корпорация не сносила старые здания. Она их переделывала. Театр стал лабораторией. Сцена — залом для нейроинтерфейсов. Зрительный зал — кабинетами сновидцев. А за кулисами — архив снов. Миллионы записей. Миллионы жизней. Миллионы иллюзий.

Аскольд прошёл через охрану. Приложил ладонь к сканеру. Дверь открылась. Внутри было тихо. Сновидцы сидели

в своих кабинетах. Подключённые к интерфейсам. Глаза закрыты. Руки на пультах. Они создавали сны. Для всей страны. Для всех городов. Для всех зон.

Он сел за свой пульт. Надел шлем. Интерфейс загудел. На экране появились параметры: «Сон №4 382. Тема: продуктивность. Цель: мотивация. Аудитория: взрослые. Длительность: 6 часов».

Аскольд вздохнул. Он знал этот сон. Он делал его сотни раз. Люди видели себя на работе. Успешными. Продуктивными. Счастливыми. Они просыпались с желанием работать. С желанием быть полезными. С желанием быть как все.

Он начал создавать. Сценарий. Герой. Цель. Препятствие. Победа. Всё по шаблону. Всё правильно. Всё как надо.

Но сегодня что-то было не так. В глубине его сознания — там, где не было доступа нейроимпланту, — что-то шевельнулось. Маленькое. Тёплое. Живое.

Он закрыл глаза. И увидел море.

III. Море

Он никогда не видел моря. В Сомнии не было моря. Был только бетон. Только стекло. Только серое небо. Но он знал, как оно выглядит. Из книг. Из старых записей. Из снов, которые он создавал сам.

Море было живым. Оно шумело. Оно пахло солью. Оно брызгалось. Вода была холодной. Песок уходил из-под ног.

Он стоял на берегу и смотрел на горизонт. Там, где небо встречалось с водой. Там, где заканчивался мир.

— Ты чувствуешь? — раздался голос.

Он обернулся. Перед ним стояла женщина. Её лицо было смутно знакомым. Но он не мог вспомнить. Он никогда её не видел. Но он знал её. Как знают что-то, что было забыто. Что было стёрто. Что было украдено.

— Кто ты? — спросил он.

— Я — та, кого ты забыл. Ты видел меня каждую ночь. Но не замечал. Потому что ты смотрел на сны. А не в сны.

Она протянула руку. На ладони — семечко. Коричневое. С острыми краями. Тёплое. Живое.

— Что это?

— Это — твой первый настоящий сон. Посади его. И посмотри, что вырастет.

— Я не умею сажать.

— Тогда научись.

Она исчезла. Аскольд остался один. С семечком в руке. С морем перед глазами. С вопросом, на который не было ответа.

Он проснулся.

IV. Семечко

Он лежал в своей кровати. В своей комнате. В своём городе. Всё было как всегда. Но что-то изменилось. Он чув-

ствовал это. В груди. Там, где раньше была пустота. Теперь было тепло.

Он посмотрел на руку. Семечко лежало на ладони. Настоящее. Не сон. Не иллюзия. Настоящее.

Он встал. Оделся. Пошёл на работу. Всю дорогу он думал. О женщине. О море. О семечке. Что это было? Сон? Бред? Или что-то другое?

В Отделе он сел за пульт. Надел шлем. Интерфейс загудел. На экране — новый сон. «Сон №4 383. Тема: война. Цель: убедить. Аудитория: все».

Он посмотрел на параметры. Война. Убедить. Все. Он знал, что это значит. Люди должны были поверить, что война с Северной зоной неизбежна. Что она справедлива. Что она необходима. Они должны были увидеть врага. Испугаться. И захотеть защищаться.

Аскольд начал создавать. Но вместо шаблона он вложил в сон семечко. Маленькое. Незаметное. В самом центре. Где никто не увидит. Где никто не найдёт.

Сон начался. Люди увидели врага. Но в глазах врага они увидели что-то знакомое. Что-то человеческое. Что-то, что заставило их задать вопрос. «А почему?»

V. Герман

Герман ворвался в кабинет Аскольда через час. Он был красным. Злым. Испуганным.

— Что это было? — крикнул он. — Это был не сон о войне! Это было что-то другое!

— Это был хороший сон, — сказал Аскольд. — Люди проснулись счастливыми.

— Счастливыми? Они проснулись задумчивыми! Они задавали вопросы! Это не счастье. Это неповиновение!

Он наклонился к Аскольду. Его лицо было близко. Слишком близко. Аскольд чувствовал запах его пота. Его страха. Его злости.

— Ты понимаешь, что ты натворил? Ты нарушил протокол. Ты создал сон, который не был одобрен. Это преступление.

— Я создал сон, который понравился людям.

— Это не важно! Важно то, что они не должны думать. Они должны спать и видеть то, что мы им показываем. Ты сломал систему.

Герман боялся. Не Аскольда. Не снов. А того, что будет, если люди начнут думать. Если они начнут спрашивать. Если они начнут видеть. Он боялся потерять власть. Которую не он создал. Которую он просто охранял. Как все. Как всегда. Как всё.

Аскольд молчал. Он смотрел на Германа. На его серый костюм. На его планшет. На его улыбку. Которая была дежурной. Как у всех.

— Я исправлю, — сказал Аскольд.

— Исправь. Сегодня. Или я отправлю тебя на переобуче-

ние.

Герман вышел. Аскольд остался. Он достал семечко. Оно стало больше. И теплее.

VI. Коллега

В коридоре он встретил коллегу. Сновидца. Молодого. Лет двадцати пяти. С глазами. Как у всех. Пустыми. Как всё здесь. Как сон. Как жизнь. Коллега посмотрел на него. Долго. Как будто видел впервые. Как будто забыл. Как будто вспомнил. Что-то. Что-то, что было до Отдела. До снов. До всего. Что-то, что было страхом. Который не надо было показывать. Он сказал: «Ты слышал? Герман злится. Говорит, ты сломал сон». Аскольд кивнул. Он не стал объяснять. Он не мог. Он не знал, как. Он просто сказал: «Я исправлю». Коллега кивнул. Улыбнулся. Дежурно. Как все. Как всегда. И ушёл. Аскольд смотрел ему вслед. И думал: а что, если он тоже чувствует? Что, если он тоже видит? Что, если он тоже хочет? Что, если он тоже боится? Он не знал ответа. Он знал только одно: он не может спросить. Потому что вопрос — это смерть. Для сновидца. Для системы. Для всего. Он пошёл в свой кабинет. Сел за пульт. Надел шлем. И начал создавать. Сон о войне. Правильный. Одобренный. Безопасный. Но в глубине. В самом центре. Он спрятал семечко. Маленькое. Незаметное. Живое. Как он. Как вопрос. Как свобода.

VII. Женщина из сна

Она пришла снова. В его собственном сне. Он стоял на берегу моря. Она была рядом.

— Ты начал, — сказала она.

— Кто ты?

— Я — память. Я — то, что вы забыли. Я — сны, которые вы запретили. Я — свобода.

— Почему я вижу тебя?

— Потому что ты — сновидец. Ты умеешь создавать сны. Но ты никогда не создавал свои. Теперь ты начал.

Она показала на море.

— Видишь? Это — твой сон. Ты создал его сам. Не по шаблону. Не по приказу. А потому что хотел.

Аскольд смотрел на море. Оно было живым. Настоящим.

— Что дальше?

— Дальше — выбор. Ты можешь продолжить прятать семечки в государственных снах. Медленно. Осторожно. Или...

— Или?

— Или ты можешь создать один сон. Сон, который увидят все. Сон, который разбудит их.

— Но тогда меня...

— Да. Тогда тебя не станет. Но твой сон останется. И он будет расти.

Она исчезла. Аскольд проснулся. Семечко в его кармане

стало горячим.

VIII. Сон о свободе

Он думал три дня. Три ночи он создавал обычные сны. Правильные. Одобренные. Безопасные. И каждую ночь он прятал в них маленькие семечки. Он знал: это работает. Люди просыпались чуть более живыми. Они начинали задавать вопросы. Они начинали видеть.

Но он также знал: этого мало. Система сильна. Она подавит ростки. Она найдёт их и вырвет.

Нужен был один сон. Один мощный сон. Который изменит всё.

Он сел за пульт. Подключился к интерфейсу. И начал создавать.

Он не использовал шаблоны. Он не следовал сценарию. Он просто пел. Вложил в сон всё, что чувствовал: страх, надежду, любовь, гнев, радость. Он вложил в него свою жизнь.

И семечко — последнее, самое большое, самое горячее — он вложил в самый центр.

Сон начался.

IX. Пробуждение

В ту ночь вся Сомния увидела один сон.

Это не был сон о войне. Не был сон о долге. Это был сон о

море. О живом, шумном, солёном море. Они стояли на берегу — все вместе, миллионы людей — и смотрели на волны. Они чувствовали песок под ногами. Они чувствовали ветер. Они чувствовали друг друга.

А потом из воды вышел человек. Он был не один. С ним были другие — те, кого они потеряли, те, кого они забыли. Они улыбались. Они говорили: «Просыпайтесь».

И люди проснулись.

Не в постели. Не в своих квартирах. Они проснулись внутри себя. Они увидели свои настоящие чувства. Свои настоящие мысли. Свои настоящие желания. Они увидели, что их сны были клеткой. И они захотели выйти.

Х. Оптимизация

Аскольда арестовали утром. За ним пришли трое. В серой форме. Без эмоций. Без слов. Они надели ему на голову устройство. Он не сопротивлялся.

— Аскольд, сновидец Отдела Снов, — сказал один. — Вы обвиняетесь в саботаже системы. Вы будете оптимизированы.

— Я знаю.

— Вы понимаете, что это значит?

— Да.

— И вы не жалеете?

Он посмотрел на них. На их пустые глаза. На их серые

лица.

— Жалею. Что не сделал этого раньше.

Они отвели его в белую комнату. Там был стул. И аппарат. И люди в белых халатах.

Он сел. Закрыв глаза. И вспомнил море. Ветер. Песок. Женщину. Семечко.

— Оптимизация начата.

Он почувствовал, как что-то проникает в его разум. Как его мысли растворяются. Как его память стирается. Как его «я» исчезает.

Но перед тем как исчезнуть, он успел подумать: «Семечко проросло. Оно будет расти. Даже без меня».

XI. Притча

Прошли годы. Аскольда забыли. Его имя вычеркнули из всех списков. Его квартиру отдали другому. Его сны удалили из архивов.

Но люди помнили море.

Они помнили ветер. Они помнили лица тех, кого любили. И каждую ночь, закрывая глаза, они видели свои сны — не по расписанию, не по приказу, а по зову сердца.

Система пыталась бороться. Она создавала новые сны. Новые сценарии. Новые правила. Но семена уже проросли. И никакие стены не могли остановить их.

Однажды маленькая девочка спросила свою мать:

— Мама, а почему нам раньше снились только серые сны?
Мать улыбнулась.

— Потому что кто-то однажды посеял в них цветок.

— А где он сейчас?

— Он везде. В каждом из нас.

Девочка задумалась.

— Значит, он не умер?

— Нет. Он просто стал нами.

Она обняла дочь и добавила:

«Один садовник посадил семечко в пустыне. Люди говорили: "Здесь ничего не вырастет". Но садовник ухаживал за семечком каждый день — поливал надеждой, согревал любовью, защищал от ветра. И однажды из земли пророс росток.

Люди удивились: "Как? Здесь же ничего не растёт!"

Садовник ответил: "Земля не решает, что растёт. Она просто держит. А решает — семя. И тот, кто его посадил".

Люди сказали: "Но ты умрёшь, и росток засохнет".

Садовник улыбнулся: "Я умру. Но росток останется. И когда он вырастет, он даст новые семена. И тогда пустыня станет садом. Не потому что я великий. А потому что я — начало".»

Девочка слушала. Потом спросила:

— Мама, а мы — семена?

— Да, — ответила мать. — Мы — семена свободы. И мы будем расти.

ХП. След

Прошли годы. Девочка выросла. Она стала сновидцем. Как Аскольд. Но она создавала другие сны. Не серые. Не правильные. Живые. Она создавала море. Ветер. Песок. Она создавала цветы. Деревья. Небо. Люди просыпались счастливыми. Не по регламенту. А просто так. Они не знали, кто она. Они не помнили его. Но они помнили сны. И этого было достаточно.

Однажды она нашла старое семечко. В архиве. В папке с надписью «Аскольд. Сновидец. Оптимизирован». Семечко было сухим. Мёртвым. Но она посадила его. В землю. Настоящую. Не синтетическую. И полила. Водой. Настоящей. Не из-под крана. И оно проросло. Медленно. Болезненно. Как всё, что было живым. Как всё, что не вписывалось в порядок. Как всё, что было свободой.

Конец.

Часть 2

РАССКАЗ ВТОРОЙ. ТИШИНА В ЭФИРЕ **Город дыхания**

I. Микрофон в углу

Степан проснулся от тишины. Не от сигнала. Не от будильника. От тишины. В Эфире тишина была нормой. Но эта тишина была другой. Она была густой. Тяжёлой. Как вода. Как страх.

Он лежал в постели и смотрел в потолок. На потолке — микрофон. Маленький. Чёрный. Как глаз. Он смотрел на Степана. Всегда. Днём и ночью. В комнате. В ванной. В туалете. Везде.

Степан привык. Как привыкают к шраму. К хромоте. К тому, что нельзя изменить. Он просто не замечал. Или делал вид, что не замечает. Это было проще. Это было безопаснее.

Он встал. Оделся. Вышел на улицу. Город был серым. Как всегда. Дома. Тротуары. Фонари. Люди. Все молчали. Все дышали ровно. Все смотрели вниз. Или вперёд. Или на браслеты. На браслетах — лимит слов. У Степана — десять. Как у всех. Он сэкономил. Как все.

Он дошёл до завода. Вошёл в цех. Встал у конвейера. Начал работать. Молча. Как все. Детали. Гайки. Болты. Одно движение. Потом другое. Потом третье. Как машина. Как механизм. Как всё здесь.

Но дыхание было другим. Он дышал медленно. Ритмично. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. И в этом ритме была фраза. Простая. «Я здесь».

II. Цепочка

Он передал её соседу. Сосед дышал в ответ. «Я тоже». Сосед передал другому. Другой — третьему. И так — по цепочке. Завод. Улица. Город. Страна. Все дышали. И передавали. «Я здесь». «Я тоже». «Я здесь». «Я тоже».

Система слушала. Микрофоны записывали. Анализировали. Искали слова. Находили только дыхание. И не понимали. Потому что дыхание — не слово. А система ищет слова. Она не умеет читать тишину.

Степан знал это. Он знал, что система слепа. Он знал, что она глуха. Он знал, что она не может расшифровать ритм. Но он также знал: рано или поздно она заметит. Не слово. Не фразу. А аномалию. Отклонение от нормы. И тогда придёт за ним.

Он продолжал дышать. Потому что не мог иначе. Потому что тишина была его языком. Его свободой. Его жизнью. Он думал: а что, если я перестану? Что, если я замолчу? Что, если я буду дышать как все? Он думал: а что, если я не могу? Что, если я не хочу? Что, если я не буду? Он не знал ответа. Он знал только одно: он будет дышать. Даже если это смерть. Даже если это конец. Даже если это всё.

III. Начальник

Его вызвали через месяц. В кабинет. К начальнику. Начальник был в сером костюме. С планшетом. С улыбкой. Дежурной. Как у всех.

— Степан, — сказал он. — Мы заметили странность.

— Какую?

— Ваше дыхание. Оно не соответствует норме.

— Я дышу как все.

— Не как все. Как все — это ровно. А вы — ритмично. С паузами. С ускорениями. Это подозрительно.

Степан молчал. Он не мог объяснить. Потому что объяснить — значит сказать. А слова по талонам. А он экономил. На что-то важное. На «я здесь».

— Мы хотим провести тест, — сказал начальник. — На дыхание. Это не больно. Просто дышите в трубку. А мы запишем.

Степан кивнул. Он дышал. Ровно. Как все. Без пауз. Без ритма. Без «я здесь». Система записала. Проанализировала. Успокоилась.

Он вышел из кабинета. И снова начал дышать. Медленно. Ритмично. «Я здесь». «Я тоже». По цепочке. Завод. Улица. Город. Страна. Все дышали. И передавали. Система слушала. И не слышала. Потому что тишина — не слово. А система ищет слова.

IV. Сосед

У Степана был сосед. Старик. Лет семидесяти. Он жил один. В маленькой квартире. С котом. Кот был старый. Хромым. Он тоже дышал. Медленно. Ритмично. Как Степан. Как

все.

Старик знал. Он тоже передавал. «Я здесь». «Я тоже». Он дышал уже много лет. С тех пор, как умерла жена. С тех пор, как остался один. С тех пор, как понял: слова — это не главное. Главное — дыхание. Главное — тишина. Главное — «я здесь».

Однажды старик умер. Тихо. Во сне. Кот остался один. Он дышал. Медленно. Ритмично. «Я здесь». «Я тоже». Степан слышал его через стену. И отвечал. «Я здесь». «Я тоже». Они дышали вместе. Человек и кот. В пустой квартире. В сером городе. В мире, где всё правильно.

V. Тест

Система не успокоилась. Она провела ещё три теста. Потом ещё два. Потом ещё один. Степан дышал ровно. Как все. Без пауз. Без ритма. Без «я здесь». Система записывала. Анализировала. Не находила. И снова вызывала. И снова тестировала.

Он приходил. Дышал. Уходил. И снова начинал. Медленно. Ритмично. «Я здесь». «Я тоже». По цепочке. Завод. Улица. Город. Страна.

Однажды начальник сказал:

— Степан, мы не можем понять. Ваше дыхание — аномалия. Но мы не можем её классифицировать. Это не слово. Не жест. Не сигнал. Что это?

Степан молчал. Он не мог объяснить. Потому что объяснить — значит сказать. А слова по талонам. А он экономил. На что-то важное. На «я здесь».

— Хорошо, — сказал начальник. — Мы оставляем вас под наблюдением. Но если ещё одна аномалия — мы отправим вас на переобучение.

Степан кивнул. Он вышел. И снова начал дышать. «Я здесь». «Я тоже». По цепочке.

VI. Переобучение

Переобучение было хуже, чем он думал. Его положили в белую комнату. Подключили к аппарату. Аппарат считывал дыхание. Корректировал. Выравнивал. Делал ровным. Как у всех. Без пауз. Без ритма. Без «я здесь».

Он лежал и смотрел в потолок. На микрофон. На аппарат. На людей в белых халатах. Они улыбались. Дежурно. Как у всех.

— Скоро всё будет хорошо, — сказал врач. — Вы будете дышать как все. Ровно. Правильно. Счастливо.

Степан молчал. Он не мог сказать. Слова по талонам. А он экономил. На что-то важное. Но важное было здесь. В нём. В его дыхании. В его «я здесь».

Он закрыл глаза. И начал дышать. Медленно. Ритмично. «Я здесь». «Я тоже». Аппарат запищал. Замигал. Люди в белых халатах забегали. Но Степан не останавливался. Он ды-

шал. И передавал. «Я здесь». «Я тоже». По цепочке. В пустоту. В тишину. В свободу.

VII. Тишина

Его выпустили через неделю. Сказали: «Аномалия не классифицирована. Рекомендовано наблюдение». Он вернулся домой. К коту. К стенам. К микрофонам.

Он снова начал дышать. Медленно. Ритмично. «Я здесь». «Я тоже». Кот отвечал. Через стену. Через тишину. Через всё.

Система слушала. И не слышала. Потому что тишина — не слово. А система ищет слова.

Степан знал: рано или поздно его найдут. Рано или поздно его остановят. Но пока он дышал. Пока он передавал. Пока он был здесь. Он был свободен.

VIII. Притча

Прошли годы. Степан состарился. Он жил тихо. Дышал медленно. Передавал. «Я здесь». «Я тоже». Кот умер. Соседи сменились. Город остался серым. Но дыхание не изменилось. Оно было везде. В стенах. В улицах. В людях.

Однажды мальчик спросил его:

— Дедушка, а почему ты всегда так дышишь?

Степан улыбнулся.

— Потому что я говорю.

— Но ты же молчишь.

— Я говорю не словами. Я говорю дыханием. Это тоже язык. Только его не надо экономить.

Мальчик задумался. Потом спросил:

— А что ты говоришь?

— «Я здесь». И «я тоже». Это самое главное.

Мальчик кивнул. Он не всё понял. Но он запомнил. И когда он вырос, он тоже начал дышать. Медленно. Ритмично. «Я здесь». «Я тоже». По цепочке.

Степан умер. Тихо. Во сне. Но его дыхание осталось. В мальчике. В городе. В тишине. Которая больше не была пустой.

«Однажды в городе, где все молчали, жил человек. Он не говорил слов. Он дышал. Медленно. Ритмично. И в этом ритме была фраза: "Я здесь".

Люди не слышали. Система не слышала. Потому что они искали слова. А он говорил тишиной.

Но однажды мальчик услышал. И ответил. "Я тоже".

И тогда тишина стала языком. А язык стал свободой.

Потому что свобода — это не слово. Это дыхание. Которое не надо экономить.»

IX. След

Мальчик вырос. Он стал врачом. Он работал в клинике.

Он лечил людей. Но он не выравнивал дыхание. Он слушал. Он сидел рядом. Он держал за руку. Он дышал. Медленно. Ритмично. «Я здесь». «Я тоже». И люди отвечали. Через дыхание. Через тишину. Через всё. Они не знали, кто он. Они не помнили Степана. Но они дышали. И этого было достаточно.

Однажды он нашёл старый микрофон. В стене. В пустой комнате. Он снял его. Осторожно. Как будто это было что-то живое. Он положил его на стол. И начал дышать. Медленно. Ритмично. «Я здесь». «Я тоже». Микрофон молчал. Но где-то там, в глубине, что-то щёлкнуло. Как будто система услышала. Как будто тишина стала словом. Как будто «я здесь» стало ответом.

Конец.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ. СЛОВО ПО ТАЛОНУ

Город слов

I. Талон на десять слов

Тихон проснулся от тишины. Не от сигнала. Не от будильника. От тишины. В Лексиконе тишина была нормой. Но эта тишина была другой. Она была густой. Тяжёлой. Как вода. Как страх.

Он лежал в постели и смотрел на жену. Она спала. Её ли-

цо было спокойным. Она дышала ровно. Как все. Он хотел сказать: «Доброе утро». Но это два слова. Он сказал: «Утро». Одно. Экономил.

Жена проснулась. Посмотрела на него. Улыбнулась. Она тоже сэкономила. У неё был свой талон. На десять слов. Она сказала: «Привет». Одно. Он ответил: «Привет». Одно. Они сэкономили. Чтобы сказать что-то важное. Когда-нибудь.

Талон лежал на тумбочке. Бумажный. С водяными знаками. На нём было написано: «Лимит слов. 10. Ежедневно. Восстановлению не подлежит». Тихон носил его с собой. Как документ. Как пропуск. Как приговор.

II. Лексикон

Лексикон был серым городом. Как все. Дома. Улицы. Фонари. Люди. Но здесь было тише. Потому что слова были по талонам. Люди говорили мало. Экономили. Копили. На что-то важное.

Тихон работал на складе. Считал ящики. Записывал цифры. Молча. Как все. Слова были по талонам. А он экономил. Не для того, чтобы сказать что-то важное. А для того, чтобы молчать. Потому что молчание — это тоже слова. Только их не надо экономить.

Он шёл домой. По улице. Мимо людей. Они не смотрели друг на друга. Они смотрели вниз. Или вперёд. Или на браслеты. На браслетах — лимит слов. У Тихона — десять. Как

у всех. Он сэкономил. Как все.

III. Жена

Она была больна. Уже месяц. Врач сказал: «Сердце. Ничего не сделать. День. Может, два». Тихон сидел рядом. Держал её за руку. У него был талон. На десять слов. Он мог сказать: «Я тебя люблю». Восемь слов. Осталось два. На «прощай». Или на «спасибо». Он выбирал. Долго. Мучительно. Смотрел на неё. На её лицо. На её руки. И думал: «Что важнее?»

Она открыла глаза. Посмотрела на него. И сказала: «Молчи». Одно слово. Он замолчал. И в этой тишине было всё. Любовь. Прощание. Спасибо. Всё. Потому что тишина — это тоже слова. Просто их не надо экономить.

Она умерла. Тихон остался с талоном. На десять слов. Он больше не сэкономил. Он говорил. Всем. Вслух. «Доброе утро». «Спасибо». «Как дела». «Я тебя люблю». Людям на улице. Соседям. Собаке. Он говорил. И его не наказывали. Потому что система не могла понять: он же не превышает лимит. Он просто говорит. А лимит — это для тех, кто боится. А он больше не боялся.

IV. Собака

Собака была старая. Дворняга. Она жила у подъезда. Её никто не кормил. Но она не умирала. Потому что Тихон при-

носил ей хлеб. Каждое утро. Молча. Слова были по талонам. А хлеб — нет.

Однажды собака заболела. Сильно. Она лежала у подъезда и скулила. Тихон сел рядом. Он гладил её. Он хотел сказать: «Всё будет хорошо». Но это четыре слова. Он сказал: «Хорошо». Одно. Собака посмотрела на него. И лизнула руку. И в этом было всё. Благодарность. Любовь. Прощание. Всё. Потому что собаки не говорят словами. Они говорят тишиной.

Собака умерла. Тихон похоронил её. За домом. Под деревом. Он не сказал ни слова. Но в его молчании было всё. И система не заметила. Потому что система ищет слова. А он молчал.

V. Начальник

Его вызвали через месяц. В кабинет. К начальнику. Начальник был в сером костюме. С планшетом. С улыбкой. Дежурной.

— Тихон, — сказал он. — Мы заметили странность.

— Какую?

— Вы говорите больше, чем положено.

— Я не превышаю лимит.

— Не превышаете. Но говорите. Каждый день. Всем. Это подозрительно.

Тихон молчал. Он не мог объяснить. Потому что объяснить — значит сказать. А слова по талонам. А он экономил.

На что-то важное. На «я тебя люблю».

— Мы хотим провести тест, — сказал начальник. — На слова. Это не больно. Просто говорите. А мы запишем.

Тихон кивнул. Он говорил. Ровно. Как все. Без эмоций. Без пауз. Без «я тебя люблю». Система записала. Проанализировала. Успокоилась.

Он вышел из кабинета. И снова начал говорить. Всем. Вслух. «Доброе утро». «Спасибо». «Как дела». «Я тебя люблю». Система слушала. И не слышала. Потому что слова — это не главное. Главное — тишина. Которая между словами.

VI. Мальчик

Однажды к нему подошёл мальчик. Лет десяти. С талоном на десять слов. Он экономил. Как все. Он сказал:

— Дядя, а почему вы говорите так много?

— Потому что могу.

— Но у вас же лимит.

— Лимит — это для тех, кто боится. А я не боюсь.

Мальчик задумался. Потом спросил:

— А что вы говорите?

— «Я тебя люблю». Это самое главное.

— Кому?

— Всем. Жене. Собаке. Тебе.

Мальчик улыбнулся. Он не всё понял. Но он запомнил. И когда он вырос, он тоже начал говорить. Всем. Вслух. «Я тебя

люблю». И его не наказывали. Потому что система не могла понять: он же не превышает лимит. Он просто говорит. А лимит — это для тех, кто боится. А он больше не боялся.

VII. Притча

Прошли годы. Тихон состарился. Он жил тихо. Говорил много. Всем. Вслух. «Доброе утро». «Спасибо». «Как дела». «Я тебя люблю». Людям на улице. Соседям. Мальчику. Который вырос. И тоже начал говорить.

Однажды мальчик спросил его:

— Дедушка, а почему ты всегда говоришь «я тебя люблю»?

Тихон улыбнулся.

— Потому что это самое главное. И потому что это нельзя экономить.

— Но слова же по талонам.

— Слова — да. А любовь — нет. Любовь — это тишина. Которая между словами. И её не надо экономить.

Мальчик кивнул. Он не всё понял. Но он запомнил. И когда он вырос, он тоже начал говорить. «Я тебя люблю». Всем. Вслух. И его не наказывали. Потому что система не могла понять: он же не превышает лимит. Он просто говорит. А лимит — это для тех, кто боится.

«Однажды в городе, где слова были по талонам, жил человек. Он сэкономил слова. Копил. На что-то важное.

Но когда пришло важное, он не смог сказать. Потому что слов не хватило. А тишина — была.

И тогда он понял: слова — это не главное. Главное — тишина. Которая между словами. И любовь. Которая в тишине.

Он начал говорить. Всем. Вслух. "Я тебя люблю". И его не наказывали. Потому что система ищет слова. А он говорил тишиной.

Потому что любовь — это не слово. Это дыхание. Которое не надо экономить.»

VIII. След

Мальчик вырос. Он стал учителем. Он работал в школе. Он учил детей. Но он не учил их экономить слова. Он учил их говорить. Всем. Вслух. «Я тебя люблю». «Спасибо». «Как дела». Он учил их тишине. Которая между словами. Которая была громче слов. Дети не знали, кто он. Они не помнили Тихона. Но они говорили. И этого было достаточно.

Однажды он нашёл старый талон. В архиве. В папке с надписью «Тихон. Работник склада. Нарушитель?». Талон был пустым. Без слов. Без лимита. Без всего. Он посмотрел на него. Долго. Как будто видел впервые. Как будто забыл. Как будто вспомнил. Что-то. Что-то, что было до талона. До лимита. До всего. Что-то, что было свободой. Которая не требует слов. А просто есть. Он положил талон на стол. И начал говорить. Всем. Вслух. «Я тебя люблю». И его не наказыва-

ли. Потому что система ищет слова. А он говорил тишиной. Которая была громче слов.

Конец.

Часть 3

Интерлюдия II. Время и счастье

Хронос. Фортуна. Реестр. Три зоны. Три эксперимента. Три способа сделать человека счастливым.

В Хроносе я дал им время. Они продавали его. Покупали. Крали. Они думали, что время — это деньги. Они не знали, что время — это я. Я даю его. Я забираю. Я решаю, кто живёт долго. Кто умирает молодым. Кто получает шанс. Кто — нет.

В Фортуне я дал им счастье. По билетам. Они думали, что билет — это свобода. Они не знали, что билет — это клетка. Я даю его. Я забираю. Я решаю, кто счастлив. Кто — нет.

В Реестре я дал им список. Двадцать пунктов. Они думали, что список — это жизнь. Они не знали, что список — это приговор. Я даю его. Я забираю. Я решаю, кто жив. Кто — нет.

Они думают, что они бунтуют. Они думают, что они свободны. Они не знают, что они — часть моего эксперимента. Часть моего порядка. Часть моего счастья. По регламенту. По билету. По списку. По моему решению.

Но нашлись те, кто понял. Кир, который отдал всё время, чтобы вернуть чужое. Марк, который был счастлив без билета. Аркадий, который вычеркнул все пункты.

Они не кричали. Они просто жили. И этого было достаточно, чтобы трещина расширилась.

РАССКАЗ ЧЕТВЁРТЫЙ. ХРОНОС

Город времени

I. Голубое свечение

Кир проснулся от холода. Не от сигнала, не от будильника — от холода. Голубое свечение под кожей было ледяным. Оно выползало из-под запястья, как змея, и растекалось по руке. Он всегда просыпался от этого. Не потому что хотел. Потому что не мог иначе. Тело привыкло. Как привыкают к боли. Как привыкают к страху.

Он лежал в темноте. В комнате не было окон. В Хроносе окна были роскошью. Их давали тем, у кого было больше двадцати лет. У Кира было двадцать семь. Но он не хотел тратить их на окно. Он хотел тратить их на жизнь. Или на то, что ею казалось.

На запястье светились цифры. 27 лет. 4 месяца. 12 дней. 6 часов. 43 минуты. 42. 41. 40. Время шло. Оно всегда шло. Его нельзя было остановить. Замедлить. Повернуть вспять.

Его можно было только тратить. Или продавать.

Кир сел на кровати. Кровать была жёсткой. Как всё в Хроносе. Он потёр запястье. Кожа была холодной. Как у всех. Как у отца. Как у матери, которую он почти не помнил. Она умерла, когда ему было пять. Отец продал восемнадцать лет, чтобы её спасти. Не спас. Но продал. И теперь должен был Банку. А Банк пришёл за ним.

II. Утро

Кир подошёл к раковине. Вода была холодной. Как всё в Хроносе. Он умылся. Посмотрел в зеркало. Зеркало было старым. С трещиной. Как всё здесь. Он видел своё лицо. Серое. Усталое. Как у всех. Он проверил таймер. 27 лет. 4 месяца. 12 дней. 6 часов. 38 минут. Он потратил две минуты на умывание. Две минуты жизни. Он не считал их. Он никогда не считал. Потому что если считать — можно сойти с ума.

На столе лежал синтетический завтрак. Серый брикет. Пах он хлоркой и чем-то сладким. Как всё здесь. Кир взял его. Откусил. Прожевал. Проглотил. Вкуса не было. Как всегда. Он запил водой из-под крана. Вода была холодной. Как всё здесь. Он посмотрел на таймер. 6 часов. 35 минут. Он потратил три минуты на завтрак. Три минуты жизни. Он не считал их. Он никогда не считал.

Он вышел из дома. На улице пахло соляжкой и металлом. Дул ветер. Холодный. Колючий. Как будто кто-то проводил

по лицу наждачной бумагой. Кир поднял воротник. Пошёл в Банк. Мимо людей. Мимо домов. Мимо витрин. Люди не смотрели друг на друга. Они смотрели на таймеры. На свои запястья. На голубые цифры. Которые уходили. Как жизнь. Как всё.

III. Банк времени

Банк стоял в центре города. Чёрное стекло. Острые углы. Ни одного окна. Как будто он не хотел смотреть на мир. Или не хотел, чтобы мир смотрел на него.

Кир вошёл. Внутри было холодно. Как везде. Как всегда. За стойками сидели клерки. В серых комбинезонах. С голубыми таймерами. Они не смотрели на посетителей. Они смотрели на экраны. На цифры. На жизни. Которые проходили через их руки. Как вода. Как время. Как всё.

Он сел за свой стол. Включил терминал. На экране появились запросы. Очередь. Люди ждали. Они хотели купить годы. Или продать. Или продлить. Или изъять. Они стояли в очереди. Молча. Как все. Как всегда. Они не смотрели друг на друга. Они смотрели на таймеры. На свои запястья. На голубые цифры. Которые уходили. Как жизнь. Как всё.

Кир начал работать. Он нажимал кнопки. Он подтверждал запросы. Он изымал годы. Он продлевал контракты. Он делал свою работу. Как все. Как всегда. Он не думал о людях. Он не мог думать о людях. Это было против правил.

Клерк должен быть беспристрастным. Клерк должен быть точным. Клерк должен быть как машина. Как механизм. Как всё здесь.

IV. Имя

На его терминале появился запрос. «Изъятие: гражданин 7-Б, 43 года, задолженность — 18 лет. Действие: принудительное списание». Кир нажал «Одобрить». Это была рутина. Он делал это сотни раз. Но потом он увидел имя. И замер.

Это был его отец.

Кир сидел и смотрел на экран. На имя. На фотографию. На отца. Который был старым. По-настоящему старым. Не как богачи. Которые покупали себе вечную молодость. Его лицо было в морщинах. Волосы седыми. Глаза усталыми. Он задолжал 18 лет. Он продал их, чтобы оплатить лечение матери. Женщины, которую Кир почти не помнил. Она умерла, когда ему было пять. Отец потратил всё, чтобы её спасти. И не смог.

Теперь он должен был Банку. И Банк пришёл за ним. Кир смотрел на кнопку «Подтвердить». Одно нажатие — и его отец потеряет 18 лет. Он станет старше. Слабее. Ближе к смерти. Возможно, он умрёт. Кир не нажал. Он отключил терминал. И встал.

V. Дом отца

Он шёл по улицам Хроноса и смотрел на людей. Они все были одинаковыми. Серые комбинезоны. Голубые таймеры. Глаза, устремлённые вниз. Никто не смотрел вверх. Никто не смотрел друг на друга. Все смотрели на свои таймеры. Кир тоже посмотрел на свой. 27 лет. Он был богат по меркам этого мира. Он мог позволить себе многое. Но сейчас он чувствовал себя бедным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.